

МРНТИ 16.31.41

М.Б. Амалбекова^{1*}

А.А. Гируцкий^{2,3}

¹Евразийский национальный университет имени Н. Гумилёва, Нур-Султан, Казахстан

²Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка,
Минск, Беларусь

³Международный государственный экологический институт имени А.Д. Сахарова
Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь

*Автор для корреспонденции: maraluspen@mail.ru

Переводы стихотворений Якуба Коласа и Янки Купалы на казахский язык: контрастивно-семантический аспект

Аннотация. Проведен контрастивно-семантический анализ переводов отдельных стихотворений классиков белорусской литературы Я. Коласа и Я. Купалы. Выявлено общее и специфическое в содержании оригиналов и переводов на уровне отдельных лексем, предложений и строф. Установлены переводческие трансформации (лексические, грамматические замены, перестановки, добавления, опущения и др.), стилистические приемы (ин-версии, метафоризации, синонимии), использованные при переводе. Отмечены некоторые неточности перевода. Сделан вывод о том, что в целом переводы на казахский язык белорусской поэзии являются точными, прагматически адекватными. Иногда казахский текст является более динамичным, экспрессивным по сравнению с оригиналом, что во многом определяется как спецификой языковых систем двух языков, так и индивидуальностью переводчика.

Ключевые слова: контрастивная лексическая семантика, контрастивная пара, перевод поэзии, переводческие трансформации, семантический контекст, прагматически адекватный перевод.

DOI: 10.32523/2616-678X-2021-135-2-8-21

Введение

Современное переводоведение является широко разветвленной и одной из наиболее сложных филологических наук. Фактиче-

ски это часть гуманитаристики, возникшая на стыке лингвистики, литературоведения, семиотики, социологии, психологии, теории коммуникации, культурологии и других наук. Собственно лингвистический аспект

переводоведения включает в себя практически весь набор лингвистических дисциплин, все направления и течения языкознания, изучающие процесс и результаты устного и письменного перевода, взаимодействие в нем языковых систем и факторов, влияющих на особенности перевода. Назовем имена только некоторых авторов, работы которых стали классическими или на пути к этому по теории и практике перевода: А.В. Федоров [1], Г.Р. Гачечиладзе [2], В.Н. Комиссаров [3], Л.С. Бархударов [4], В.С. Виноградов [5], Я.И. Рецкер [6], С. Влахов, С. Флорин [7] и др.

Одним из новых направлений в современной переводческой науке выступает контрастивная лингвистика, выросшая из недр сопоставительного языкознания в 60-е – 70-е гг. XX века и активно развивающаяся в настоящее время. Художественный перевод становится одним из предметов контрастивной лингвистики. Обуславливается это тем, что контрастивная лингвистика в большей степени, чем сопоставительная, связана с прикладным языкознанием, в том числе с преподаванием неродного языка, с теорией и практикой перевода, выступая для них надежной лингвистической базой.

Важными концептуальными понятиями контрастивной лингвистики становятся понятия контрастивной синтаксической семантики [8] и контрастивной лексической семантики [9]. В рамках последнего подхода выполнена статья.

Основной единицей контрастивного анализа лексической семантики выступает контрастивная пара, под которой понимаются две лексические единицы сопоставляемых языков. Эти единицы рассматриваются как межъязыковые соответствия сравниваемых языков. В каждой контрастивной паре методом компонентного анализа вычленяются и сопоставляются отдельные семы, составляющие их семантический объем. Интерпретация полученных результатов дает возможность выявить сходства и различия в семантике сопоставляемых единиц. Контрастивный анализ семантики предложения, строфы, всего стихотворения позволяет установить пере-

водческие способы и приемы изменения их семантического содержания, эквивалентность и точность перевода. Эти положения выступают основной методологической базой проведенного исследования, его технологическим инструментарием.

Актуальность исследования обуславливается дальнейшим развитием перспективного для переводческой науки направления – контрастивной лингвистики. Актуальность статье придает также межкультурное сотрудничество Казахстана и Беларуси в рамках ЕАЭС.

Методология исследования

Основная цель данной статьи – выявить семантические особенности переведенных поэтических текстов, а также установить способы и приемы, используемые переводчиками для достижения точности перевода с семантической интерпретацией его эквивалентности. Достижение поставленной цели требует решения нескольких задач с привлечением следующих методов: а) с помощью контрастивного метода выявить семантические особенности оригинала и перевода; б) с помощью контекстного анализа установить основные способы и приемы, используемые для достижения эквивалентности перевода; в) определить при помощи компонентного анализа семантическую специфику казахского перевода по сравнению с русско-язычным оригиналом.

Обсуждение

История переводов литературы на казахский язык имеет свою давнюю традицию. Основоположником русско-казахского перевода является известный казахский писатель, просветитель Ыбырай Алтынсарин, опубликовавший в 1879 г. переводы басен И.А. Крылова, рассказов Л.Н. Толстого, статей К. Ушинского и И. Паульсона. В 1882 г. увидели свет поэтические переводы Абая Кунанбаева – отрывок из «Бородино» и стихотворение «Горные вершины спят во тьме ночной» М.Ю. Лермонтова. В советское время на казахский язык с

языка-посредника (русского) была переведена почти вся мировая литература и литература народов СССР.

Немало было переведено на казахский язык и произведений белорусской литературы – прозы и поэзии. Среди переведенных прозаических художественных текстов можно назвать такие произведения, как романы И. Мележа «Дыхание грозы» («Найзағай тынысы», Шаншаров А.), И. Шамякина «Сердце на ладони» («Алақандағы жүрек», Амандосов Т.), повесть А. Адамовича «Хатыньская повесть» («Хатынь қасіреті», Нүсіпбекова Б.), рассказы В. Адамчика («День ранней осени» («Ерте түскен күз», Баяндин К.), А. Василевич «Мариула» («Мариула», Таурбаева К.), В. Гигевича «Булавка» («Түйреуіш», Сапуанов Е.), В. Ковтун «Переправа» («Өткел», Таурбаева К.), Г. Далидовича «Маня» («Маня», Юсупов К.), В. Домашевича «Синий конь» («Көк ат», Калиев А.), В. Карамазова «Городские» («Қаладан келген жігіттер», Жанысбаев С.), П. Мисько «Полесская сказка» («Полесье аңыз», Нусипбаев Т.), Б. Саченко «Соль» («Тұз», Нускабаев Ж.), Я. Сипакова «В городке, который называется Вчера» («Кеше деп аталатын қалашықта», Илесов М.), Я.Скрыгана «Лунная ночь» («Айлы түн», Ахметбеков К.), А. Кудравца «След» («Із», Жуманкулов А.), И. Шамякина «Крестьянка» («Шаруа әйел», Сармурзин Г.). Переведены также 2 рассказа, названиям которых мы пока не нашли русских соответствий. Это «Можантопай» И. Шамякина (переводчик Адетов Б.) и «Терезеге телмірген келіншек» Я. Брыля (Шынбатыров А.)

Из белорусской поэзии переведены произведения Янки Купалы (поэмы «Никому» («Ешкімге») и «Тарасова доля» («Тарас тағдыры») – перевод Абдрашева Ж.); 84 стихотворения (переводчики: Абдрашев Ж., Сеитов С., Асанов С., Машаков С., Нурпейсов Р., Алдибеков Ш., Ыскаков Буркут, Кашкынов Ж.) и Якуба Коласа (поэма «Симон-музыкант» («Симон музыкант», Бекхожин К.) и 81 стихотворение (переводчики: Медетбеков Т., Алимбаев М., Мауленов С., Салыков К., Молдағалиев Т., Баймолдин С., Оразбаев И., Есдаулетов У., Тлеужанов З., Исаев И., Зикибаев Е., Калиев С.).

Предметом нашего анализа явились переводы отдельных стихотворений на казахский язык классиков белорусской литературы Якуба Коласа и Янки Купалы, которые в переводческой традиции выполнены с языка-посредника – русского. Толкование значений лексем, меняющих семантический контекст в переводе и создающих его специфику в сравнении с оригиналом, в статье опирается на русско-казахский [17, 18] и казахско-русские переводные словари [11, 16], толковые словари казахского и русского языков [10, 19], фразеологические словари [20, 21].

Результаты

Особенности перевода стихов белорусских поэтов можно выявить уже при рассмотрении перевода названий произведений, многие из которых переведены дословно, например, стихи Я. Купалы «Ну как тут не смеять-ся...» - «Қалайша бұған күлмесің...» (Ж. Абдрашев), «Диктатура труда» - «Еңбек диктатурасы» (Саду Машаков), «А кукушка куковала» - «Көкек сұңқылдады» (Ж. Кашкынов), стихи Я. Коласа «Где ты, моя доля...» - «Қайдасың, менің сыбағам» (Т. Молдағалиев), «Ночь перед грозой» - «Найзағай алдындағы түн» (Е. Отетлеуов), «Мы молчали, как немые...» - «Мылқаулардай үндемедік» (И. Исаев) и т.д. Но и в заголовках используются переводческие приемы, например, при переводе названия стихотворения Я. Коласа «У порога» использована конкретизация с добавлением лексем в тюрьме: «Түрме табалдырығында» (С. Баймолдин), в стихотворении «Сельская учительница», наоборот, использовано опущение: «Мұғалім» (С. Баймолдин), при переводе названия стихотворения Я. Купалы «Отцветание» не совсем уместно использована конкретизация; «Сарғайып гүлдер солғанда» (Ж. Абдрашев), хотя речь не идет об увядании именно цветов.

Переводы стихотворений Я. Коласа. Рассмотрим перевод стихотворения Я. Коласа «Не ищите, не просите...» [12, с.317]. С белорусского языка на русский стихотворение переведено русским переводчиком Евгением

Мозольковым. На казахский язык перевод осуществлен известным казахским писателем, публицистом переводчиком Акылбеком Шаяхметовым [13, с.154].

Не ищите, не просите...

Не ищите, не просите
Светлых песен у меня.
Только песню заиграю -
Жжет печаль сильней огня.

Я шутил бы и смеялся,
Чтобы вас развеселить,
Да на жизнь вокруг посмотришь –
Начинает сердце ныть.

Несчастлива наша доля:
Ничего нам не дала.
Не ищите цвета в поле,
Ведь весна к нам не пришла.

Сұрамаңдар, іздемеңдер

Сұрамаңдар, іздемеңдер,
Менен жарқын әндерді.
Қайғы-мұңым оттан бетер,
Барады өртеп кеудемді.

Күлем десем, сауық құрсам,
Әзіл-оспақ жетеді.
Тек жан-жаққа қарап тұрсам,
Жүрек сыздап кетеді.

Тағдыр қатты бізге деген,
Ештеңе де берген жоқ.
Даладан гүл іздемеңдер,
Көктем әлі келген жоқ.

При сравнении обоих текстов сразу бросается в глаза, что сделан точный перевод с сохранением рифмы и ритма оригинала (ср. *Светлых песен у меня - Менен жарқын әндерді; Начинает сердце ныть - Жүрек сыздап кетеді*), но все же имеются незначительные изменения, например, в 1-й строфе не передано содержание третьей строки *Только песню заиграю*, а информация 4-ой строки *Жжет пе-*

чаль сильней огня излагается на двух строках перевода: *Қайғы-мұңым оттан бетер, Барады өртеп кеудемді* (буквально: Печаль сильнее огня Жжет/обжигает мою грудь). Если в русском тексте печаль жжет грудь только когда заиграю песню, то в казахском переводе печаль жжет грудь постоянно, а не только когда пою песни. Кроме того, лексема печаль заменена собирательным парным сочетанием *қайғы-мұң* ('сбир. печаль и уныние' [11, с.467]), что усиливает значение русской лексемы.

Во 2-й строфе на 4-й строке называется цель субъекта/говорящего: *Чтобы вас развеселить*, а в переводе сообщается, что у говорящего достаточно шуток, чтобы развеселить (*Әзіл-оспақ жетеді*). Лексема *шутка* заменена устойчивым парным сочетанием *әзіл-оспақ* ('шутка с намеками' [11, с.102]; *оспақ* '1) подоплека, иносказание, намек, 2) парное к *әзіл*' [11, с.659]), а сочетание *на жизнь вокруг* заменено лексемой *жан-жаққа* – 'по сторонам' [11, с.297].

В 3-й строфе в русском тексте доля несчастлива, а в переводе *Тағдыр қатты бізге деген* - доля/судьба жестока/сурова [11, с.521]. Исползованные в русском тексте на 1, 2 и 4 строках местоимения *наша, нам* переведены только 1 раз на первой строчке *бізге*, связано это, возможно, с нежеланием переводчика повторять это слово трижды или с необходимостью сохранить ритм русского текста.

Интересно обратить внимание на перевод лексемы *цвет*, которая имеет значения '1. устар. и прост. То же, что цветок. 3. Период цветения у растений' [19, т.4, с. 634]. На наш взгляд, именно 3-е значение подразумевается в русском тексте, т. е. цветенье всех трав в поле, а переводчик использовал конкретизацию, заменив слово *цвет* лексемой *гүл* – цветок. Вместо *гүл* более точным было бы употребление существительного *көк*, выражающего значение 'зелень, молодая трава' [11, с.418]: *Даладан көк іздемеңдер*.

Однако все внесенные в казахский перевод замены не исказили содержание русского текста, и потому перевод А. Шаяхметова можно считать адекватным, точным.

Интересно представить анализ еще одного стихотворения Я. Коласа «Белорусам» [12,

с.321], переведенного на русский язык Е. Мозольковым, на казахский язык перевод сделан поэтом Туманбаем Молдагалиевым [13, с.72].

Белорусам

Встаньте, хлопцы, встаньте, братья!
Встань ты, наша сторона!
Ведь не зря к нам сквозь ненастье
Шлет тепло тебе весна.

Иль мы сил своих не знаем?
Иль нам руки бог связал?
Иль над бедным нашим краем
Луч свободы не блистал?

Выйдем вместе на работу,
Дружно встанем, как стена.
И стряхнет с себя дремоту
С нами наша сторона!

Белорустарға

Тұрыңдар, жігіттер, тұрыңдар, туыстар,
Тұрыңдар түгелдей біздің жақ.
Жоқтықты жаныштап, бөлердей ырысқа,
Соғады жаз самал зуылдап.

Ұқпаймыз күш барын біз әлде,
Қойды ма бұл құдай қол байлап.
Келмей ме бақытсыз ізгі елге,
Еркіндік сәулесі айғайлап.

Жұмысқа барайық кел тұрып,
Тұрайық қамалдай тізгінді ап.
Оянып ұйқыдан сілкініп,
Бізбен бір болады біздің жақ.

Сравнительный анализ обоих текстов показывает, что на казахский язык сделан адекватный перевод с сохранением основных интенций автора, но в то же время имеются некоторые замены. Например, лексема *братья* (1-я строка 1-й строфы) заменена существительным с более общим значением *туыстар* — родственники (генерализация). На 4-й строке *весна шлет тепло*, а в казахском тексте — летний приятный, прохладный ветер

(*жаз самал*), который гудит/свистит (1-е значение глагола *зуылдау*) или мчится/несется (2-е значение [11, с.369]). Скорее всего, ветер мчится/несется, потому что на 3-й строке казахского текста сообщается, что *давит/громит/сокрушает* (*жаныштап* — *жаныштау* `1) *мять*, *давить*, 2) *давить*, *громить*, *разбивать* противника` [11, с.298]) *бедность/нищету* (*жоқтықты* [11, с.331]), как будто *наделит/предоставит* богатство (*бөлердей ырысқа*). Лексемами *жоқтық*, *ырыс* заменено русское *ненастье*.

Во 2-й строфе край представлен как бедный, а в казахском переводе он несчастный (*бақытсыз*), в русском тексте луч свободы блистал, в переводе же он кричит/шумит (*айғайлап* [11, с.34]). Если в русском тексте две последние строки 2-й строфы оформлены как вопросительное предложение, они понимаются как утвердительные: ведь блистал над бедным нашим краем луч свободы. В переводе глагол *келмей ме* с вопросительной частицей можно интерпретировать двояко: и как выражение возмущения/недовольства (в значении `пришел бы и сделал...`), и как выражение сомнения/надежды (в значении `неужели не придет?`).

В 3-й строфе лексема *стена* переведена как *қамал* — `крепость, крепостная стена` [11, с.489], дремота заменена на сон (*ұйқы* [11, с.862], дремота, дремать — *қалғу, мүлгу* [18, с.231]).

Во 2-й строфе в русском тексте использована лексическая анафора, в казахском же переводе употреблена инверсия — первые три строки начинаются с глагола-сказуемого (*Ұқпаймыз, Қойды ма, Келмей ме*).

В переводе имеются и синтаксические замены: восклицательные и вопросительные предложения русского перевода представлены повествовательными (восклицательные: 1, 2 предложения 1-й строфы, последнее предложение 3-й строфы, вопросительные — три предложения 2-й строфы).

Необходимо обратить внимание на то, что казахский текст является более экспрессивным, динамичным по сравнению с русским за счет употребления лексем *жоқтық*, *ырыс*, *жаныштап*, *соғады*, *зуылдап*, *айғайлап*, *қамалдай*, *ұйқыдан*, использования обратного порядка слов в предложении.

Перевод стихотворений Я. Купалы. Перейдем к произведениям Янки Купалы. Как мы отмечали выше, переводчиками стихов Я. Купалы были Абдрашев Ж. (54 стихотворения), Сеитов С. (4), Асанов С. (10), Машаков С. (4), Нурпеисов Р. (1), Алдибеков Ш. (4), Ыскаков Б. (1), Кашкынов Ж. (6). Интересно отметить, что 4 стихотворения, переведенные С. Сеитовым, переведены также Ж. Абдрашевым. Это стихи «Солнцу», «А кто там идет?» «Вперед – неизменно», «За все».

Рассмотрим переводы на казахский язык двух стихотворений Я. Купалы. Первое стихотворение «Солнцу» [14, с.126], которое с белорусского языка на русский перевел известный советский поэт Михаил Светлов. На казахский язык переводы были сделаны Жарасканом Абдрашевым [15, с.142] и Сагынғали Сеитовым [15, с.164].

Особенности перевода стихотворения на казахский язык видны уже по заголовку: оба казахских переводчика дали одинаковый вариант «Күнге арнау», что переводится как «Посвящение солнцу» (см. **арнау I** предназначать, **арнау II 1**) предназначение, посвящение, 2) лит. посвящение [11, с.74]).

Солнцу (Светлов М.)

Ой ты, мое солнце!
Как ты светишь ясно!
Где ж ты было раньше
Надо мной, несчастным?

Как я с малолетства
Радости не ведал,
Как за мной плелись
Беда, горе следом.

Как отца зарыл я
В темную могилу,
Как отца могилу
Паводком размыло.

Как я шел, забытый,
Не зная дороги,
Обивать с поклоном
Барские пороги.

Как я, одинокий,
Бедовал на свете,
Как погибла юность
В самом расцвете...

Ой ты, мое солнце!
Как ты светишь ясно!
Где ж ты было раньше
Надо мной, несчастным

Күнге арнау (Әбдірашев Ж.)

Ойхой, күнім! Менің күнім,
Жап-жарықсың сен қандай!
Ертеректе қайда болдың,
Едім ғой мен, сормаңдай?

Қаршадайдан білмеп ем ғой
Қуаныштың не екенін.
Қайғы қуып, қасіреттің
Ұстап ем ғой етегін.

Әкемді де көміп ем ғой
Көрге әкеліп қараңғы.
Оны-дағы жазғытұрым
Жайылма су – қар алды.

Жүріп ем ғой айдалада
Табанымнан сыз өтіп.
Басымды иіп, бай біткеннің
Босағасын күзетіп.

Жалғандағы жалғыздықтан
Көкректі шер тіліп,
Жайнар кезде жастығымды
Алып ем ғой өлтіріп.

Ойхой, күнім! Менің күнім,
Жап-жарықсың сен қандай.
Ертеректе қайда болдың,
Едім ғой мен, сормаңдай?

Күнге арнау (Сеитов С.)

Уа, күнім, сен, күнім, сен!
Неткен нұрлы ең бүгін сен?
Мен байғұсқа көрінбей,
Қайда жүрдің бұрын сен?

Қаршадайдан жоқ зейнет,
Қайғы мені арбады.
Қайда барсам, бір бейнет
Қыр соңымнан қалмады.

Бір күн байғұс әкемді
Көзсіз көрге көмгемін.
Сол моланы тасқын су
Шайғанын да көргемін.

Жол таба алмай қарманып,
Қараңғыда адасқам.
Бай үйіне жалданып,
Жатқа солай жанасқам.

Жалғыз жүрдім жасқанып,
Солған гүлдей семді бой.
Қайран менің жас шағым,
Жанбай жатып сөнді ғой.

Уа, күнім, сен, күнім, сен!
Неткен нұрлы ең бүгін сен!
Мен байғұсқа көрінбей,
Қайда жүрдің бұрын сен!

Оба перевода на казахский язык являются точными, полностью передающими смысл русского текста, только каждый переводчик использует разные языковые единицы казахского языка, являющиеся по сути синонимами. Рассмотрим перевод первой строки стихотворения. Русское риторическое обращение *Ой ты* Ж. Абдрашев передает казахским восклицанием *Ойхой*, которое чаще используется в сочетании с междометием *шіркін* (ср. *Ойхой шіркін, қазақтың келіндер-ай!*), выражающим чувство восторга, удовлетворения или сожаления [10, с.626], С. Сеитов использует восклицание *Уа*, значение которого в толковом словаре казахского языка объясняется следующим образом: 1. Біреудің зейінін өзіне қарату үшін көтеріңкі үнмен айтылатын ишарат сөз; 2. Адамның көңіл-күйі төмендегенде, қайғырғанда айтылатын сөз [10, с.849]. Можно сказать, что оба значения подходят для передачи содержания русского обращения.

В русском тексте лексема *солнце* употребляется один раз (*Ой ты, мое солнце!*), в обоих

же казахских переводах идет повторение обращения: *күнім! Менің күнім* (Ж. Абдрашев) и *күнім, сен, күнім, сен!* (С. Сеитов), что, на наш взгляд, усиливает экспрессивность казахского текста. Усилению способствует также у Ж. Абдрашева двойной способ передачи местоимения *мое*: при помощи личного окончания существительного *күнім* и употребления при 2-й лексеме *күнім* местоимения *менің*, а у С. Сеитова – повторением местоимения *сен* (*ты*).

Определительное наречие как во 2-й строке, обозначающее высшую меру или степень проявления действия, состояния (в данном случае яр-кость солнца) [19, т. 2, с. 16], Ж. Абдрашевым переведена как *қандай*, которое больше соответствует русскому местоимению какой [16, с.199; 18, с.492]. В переводе Ж. Абдрашева реализуется 2-е значение лексемы *қандай* - 'обозначает оценку качества кого-чего-либо; выражает восхищение, удивление и др. эмоции'. В русском тексте и переводе Ж. Абдрашева восклицательный знак подтверждает стремление передать высшую степень проявления состояния, выражение восхищения. С. Сеитов использовал лексему *неткен*, которая в словаре Мусабаева имеет перевод «что за; ка-кой» [16, с.252], в казахско-русский словарь данная лексема не включена, а в толковом словаре объясняется через синоним *қандай* и дается с пометой (қарапайым – разговорный или даже просторечный). И если, как мы отметили выше, в русском тексте и в переводе Ж. Абдрашева во второй строке предложение восклицательное (*Как ты светишь ясно!; Жап-жарықсын сен қандай!*), то у С. Сеитова оно преобразовано в вопросительное предложение. В таком случае имеет место грамматическая замена: определительное наречие заменено вопросительным, и предложение *Неткен нұрлы ең бүгін сен?* приобретает значение *Какое же ты сегодня ясное?*

Словосочетание *светишь ясно* Ж. Абдрашев передал лексемой с частичной редупликацией *жап-жарықсың*, передающей значение 'очень светлый; совершенно светлый' [18, с.301]. С. Сеитов использовал имя прилагательное *нұрлы* - 'светлый; ясный; лучистый, лучезарный' [18, с.644].

Для перевода вопроса *Где ж ты было раньше?* Ж. Абдрашев использовал неполное предложение с опущенным подлежащим и прямым порядком слов (*Ертеректе қайда болдың*). С. Сеитов использовал инверсию, поместив подлежащее *сен* в конец предложения, добавил глагол *көрінбей*, что значит *не показываясь* (*көрінбей, Қайда жүрдің бұрын сен?*), а также переместил сам вопрос на четвертую строчку. Использование С. Сеитовым глагола *жүрдің* придает вопросу более категоричный оттенок (буквально *Где ж ты ходил раньше?*) по сравнению с глаголом *болдың* (*был*) Ж. Абдрашева.

Лексему *несчастный* Ж. Абдрашев представил как *сормаңдай* (= *сорлы* - *бедняжка; несчастный*) [16, с.298]; *бедняга, горемыка; бедный, несчастный* [11, с.731], С. Сеитов использовал синоним *байгұс* (*бедняга; беспомощный*) [16, с.60]; *бедняга, бедняжка; несчастный* (с оттенком сочувствия) [11, с.116].

Оба переводчика подобрали один и тот же вариант перевода для слова *малолетство* — *қаршадай*, хотя, например, в словаре даются еще варианты *балалық, жастық шақ* [17, с.396].

Ж. Абдрашев к лексеме *радость* подобрал прямой перевод — *қуаныш* и информацию первых двух строк 2-й строфы русского текста также представил на двух строчках с той лишь разницей, что словосочетание *радости* не ведал передано придаточным предложением (с малолетства) не знал, что такое *радость* (*білмеп ем гой қуаныштың не екенін*). С. Сеитов эту информацию вместил в одну (первую) строку: *Қаршадайдан жоқ зейнет*, что делает текст его перевода лаконичным и более экспрессивным. Соответствием для лексемы *радость* стало слово *зейнет*, только второе значение которого приближено к значению русской лексемы: 2. *плоды, результат чего-л.; результат труда* [11, с.366]. Однокоренным словом является *зейнеткер* (*пенсионер*) — человек, вышедший на заслуженный отдых. Смысловый перевод текста С. Сеитова может быть таким: *С малолетства нет покоя*.

Казахские переводы последнего предложения (3-я и 4-я строки) русского текста намного сильнее, жестче, ср. в русском тексте

горе и беда плелися следом, у Ж. Абдрашева *қайғы* (*печаль, горе, скорбь*) [11, с.467]) *қуып* (*қуу* — 2. *догонять, преследовать, пускаться вдогонку, идти по стопам*) [11, с.558], а у С. Сеитова *қайғы арбады* (*арбау* — 1. *завораживать, заколдовывать; заклинать*) [11, с.71]), *бейнет* (1. *мука, мучение, страдание*) [11, с.145]) *қалмады* (*қалу* - 2. *отставать*) [11, с.485] + отрицание *-ма-*). В целом у Ж. Абдрашева перевод этих двух строк звучит следующим образом: *Горе (скорбь) гнало, и я держался за подол (етек) большого горя/глубокой скорби (қасірет)*, у С. Сеитова: *Горе/скорбь* меня заколдовало. Куда бы я ни пошел, мука (мучение) не отставала от меня.

Перевод 2-й строфы у С. Сеитова намного удачнее. Во-первых, у него строки короче на один слог (каждая строка по 7 слогов), чем у Ж. Абдрашева (первые три строки по 8 слогов, только последняя 7 слогов), что делает текст более четким, резким, во-вторых, применена перекрестная рифмовка (*зейнет* — *бейнет*, *арбады* - *қалмады*), в-третьих, использованы звуковая анафора (каждая строка начинается с фрикативного К) и олицетворение (*қайғы арбады; бейнет қалмады*).

Перевод 3-й строфы у Ж. Абдрашева полностью соответствует русскому тексту, за исключением добавления лексемы *жазғытұрым* (весной): *в темную могилу — қараңғы көрге; зарыл - көміп ем гой*. У С. Сеитова перевод более экспрессивный за счет использования дополнительных элементов: *байгұс әкемді - бедняжку/ несчастного отца; көзсіз көрге — в безглазую (= темную) могилу; Сол моланы тасқын су Шайганын да көргемін — Я видел, как паводок размыл могилу*.

При переводе первых двух строк 4-й строфы *Как я шел, забытый, Не зная дороги* у обоих переводчиков присутствуют лексические добавления, которые вносят определенные изменения в исходный текст. Например, перевод Ж. Абдрашева можно представить так: *Замерзнув/замерзший (Табанымнан сыз өтіп), я шел/бродил по безлюдным местам (айдала — необитаемое, безлюдное пространство; покинутая, брошенная местность)* [11, с.34]), в то время как в русском тексте не указывается

на отсутствие людей вокруг героя. Выражение Табанымнан сыз өтіп (буквально: 'через стопы/ступни холод (сыз — сырость, холод [11, с.747]) прошел'), хотя в исходном тексте также не говорится, что герой был босиком. Перевод С. Сеитова выглядит следующим образом: *Не находя дорогу (жол таба алмай), на ощупь (қарманып – қарману 1) ощупывать что-либо (вокруг себя); 3) перен. искать способ, путь, выход (из создавшегося положения) [11, с.511]) заблудился в темноте (қараңғыда адасқам).*

Следующие две строки 4-й строфы русского текста не обязательно предполагают желание героя наняться на работу, обивать барские пороги можно с любой просьбой. У Ж. Абдрашева герой не бьет поклоны (для данного действия в казахском языке есть глагол *иілу* — 1) гнуться, сгибаться 2) склоняться, наклоняться [11, с.381]), а только склоняет голову (*Басымды иіп* – бас ию 'склонять голову; покориться, подчиниться' [11, с.130; 382]. У С. Сеитова использована конкретизация — герой не просто обивает пороги, а нанимается на работу в дом богача (*Бай үйіне жалданып, жалдану* — 'наниматься на работу' [11, с.288].

Строки 5-й строфы *одинокий, Бедовал на свете* Ж. Абдрашев передал более образно: 'В (этом) брэнном мире (*Жалгандагы, жалған І ложный, мнимый; ІІ уст. брэнный мир [11, с.287]) от одиночества (жалғыздықтан) печаль/тоска (шер [11, с.913]) исполосовала (тіліп) грудь/душу (көкректі, көкірек 1) грудь; 2) перен. сердце, душа (как средоточие душевных волнений, переживаний) [11, с.420]). У С. Сеитова в переводе используется сравнение: От одиночества (*жалғыз жүрдім*) мое тело усохло/исчезло (*семді, сему 1) вянуть, 2) отсыхать, 3) перен. исчезнуть, погаснуть; перестать [11, с.720]), как увядший цветок (Солған гүлдей). И использованный в переводе С. Сеитова глагол *семді* является как бы мостиком к последующему сообщению в исходном тексте о гибели юности. Гибель С. Сеитов передал глаголом *потухнуть (сөнді гой, сөну 1) 'потухать, гаснуть, угасать; 2) перен. угасать, исчезать, пропадать' [11, с.733]), в то время как Ж. Абдрашев представляет данную ситуацию, будто он сам своими руками убил юность - *Алып ем гой өлтіріп****

(өлтіру 'убивать, умертвлять' [11, с.667]). Для перевода лексемы *юность* использованы синонимы *жастық (жастығымды - Ж. Абдрашев)* и *жас шақ (жас шагым - С. Сеитов)*, но С. Сеитов добавляет еще определения *менің (моя) и қайран*, значение которого в словаре представлено как 'жаль, увы (обычно употребляется с оттенком сожаления)', но чаще переводится как 'бедный/несчастный' (с оттенком сожаления). Интересен перевод словосочетания *в самом расцвете*. Ж. Абдрашев передал ее сочетанием *жайнар кезде* - в тот период/ время, когда должна была расцвести/засиять (*жайнау - 'блестеть, сверкать, сиять' [11, с.282]), т. е. если в русском тексте юность уже началась (в самом расцвете), то в казахском переводе этот период еще не настал. Он не настал и в переводе С. Сеитова: *жанбай жатып* — еще не успев зажечься. Таким образом, перевод последних двух строк 5-й строфы у Ж. Абдрашева звучат так: 'В период, когда должна была засверкать/засиять (моя) юность, я ее убил'; у С. Сеитова: 'Несчастливая/бедная моя юность, не успев зажечься, погасла'.*

Кроме того, в русском тексте 5-я строфа заканчивается многоточием, в казахских же переводах этой недосказанности, умолчания нет.

При переводе имеют место грамматические трансформации. Например, в русском тексте в 1-й строфе обращение к солнцу оформлено как восклицательное вокативное предложение. Эту же структуру сохранил при переводе С. Сеитов. Ж. Абдрашев объединил две первые строки и представил их как простое восклицательное предложение, осложненное обращением, что немного снижает эмоциональность текста. Далее в той же первой строфе в русском тексте 2 восклицательных предложения (первая и вторая строки), у Ж. Абдрашева — одно (объединены первая и вторая строки), у С. Сеитова тоже одно (только первая строка), а второе восклицательное предложение русского текста заменено вопросительным предложением.

Рассмотрим перевод второго стихотворения Я.Купалы «А кто там идет?» [14, с.43]. На русский язык перевод осуществлен М. Горьким.

А кто там идет?

А кто там идет по боло-там и лесам
Огромной такою толпой!

- Белорусы.

А что они несут на ху-дых плечах,
Что подняли они на ху-дых руках?

- Свою правду.

А куда они несут эту кривду всю,
А кому они несут напо-каз свою?

- На свет божий.

А кто ж это их — не один миллион -
Кривду несть научил, разбудил их сон?

- Нужда, горе.

А чего же теперь захоте-лось им,
Угнетенным века, им, слепым и глухим?

- Людьями зваться.

Кімдер анау келе жатқан? (Әбдірашев Ж.)

Кімдер анау жер қайыса топталып,
Ну орманнан келе жатқан көп халық?

- Белорустар.

Әлсіз иық, әлсіз қолдар әлемі
Әрең-әрең не көтеріп келеді?

- Қорлық, зорлық, қиянат.

Қайда және қалай қарай жол шекпек,
Әшкерелеп, оны кімге көрсетпек?

- Жарығына жалғанның.

Бас қосуға, бұзардай зор қамалды,
Кім үйреткен, кім оятқан оларды?

- Аштық, азат, қасірет.

Мәңгі-бақи маңдайларын төбелеп,
Жүрген керең, соқырларға не керек?

- Адам сынды күнелту.

Кімдер анда келе жатқан? (Сейітов С.)

Кімдер орман, батпақ кешіп аттаған.

Кімдер анда қарақұрым қаптаған?

- Белорустар.

Не арқалап өңкей жадау иықтар,
Не көтерген әлжуаз қол кіріптар?

- Өзінің азап-соры.

Азап-сорын апармақшы қай жаққа?
Көрсетпекші қандай ғана аймаққа?

- Мына жалпақ жаһанға.

Миллиондарды кім оятқан түнектен -
Кім азабын арқалауды үйреткен?

- Мұқтаждық, қайғы.

Заман езген соқыр, керең сордағы,
Керегі не, тілегі не сондағы?

- Адам болу санаттағы.

В названии стихотворения наречие *там* правильно переведено С. Сеитовым — *анда* [11, с.63]. Употребленная Ж. Абдрашевым лексема *анау* имеет значение *тот* (та/то) [11, с.63]. С. Сеитов также сохранил функцию вопроса, а Ж. Абдрашев преобразовал в восклицательное предложение.

В 1-й строфе сочетание *огромной толпой* в обоих переводах представлено более объемно, с удвоенной силой: у Ж. Абдрашева использованы обороты *жер қайыса топталып* (буквально: `земля прогибается от толпы/множества людей` - см. *топ, топта, топтану* [11, с.800-801]) и *көп халық*. У С. Сеитова использован оборот *қарақұрым қаптаған*, где *қарақұрым* имеет значение `множество, масса` [11, с.504] и *қаптаған* тоже обозначает `1) окружать, охватывать со всех сторон, заволакивать, заполнять, двигаться большой массой, 2) перен. полно, много` [11, с.499].

При переводе имени прилагательного 2-й строфы *худые* переводчиками использованы синонимы: у Ж. Абдрашева для характеристики худых плеч и рук использовано прилагательное *әлсіз* (әлсіз `1) слабый, немощный, бессильный` [11, с.106]). С. Сеитов сочетает существительное *плечи* с прилагательными *еңкей жадау* (согнутые; жадау - худые, тощие; усталые, изнуренные [11, с.276]), а для рук подобрал лексему *әлжуаз* (әлжуаз – `1) тоненький, хилый, худой, 2) слабый, слабосильный` [11, с.105]. Для лексемы *правда* обоими переводчи-

ками подобраны совершенно неожиданные варианты с прямо противоположными значениями: Ж. Абдрашев в качестве ответа на поставленные вопросы использовал слова *қорлық* ('позор, унижение, презрение' [11, с.552]), *зорлық* ('насилие, принуждение' [11, с.369]), *қиянат* ('зло, пакость, вред; ущемление, злоупотребление, преступление; вероломство, насилие' [11, с.536]), С. Сеитов употребил парное сочетание *азасор* (азап - 'мука, мучение, страдание, пытка' [11, с.30], сор - 'несчастье, беда; бедствие, неудача' [11, с.730]). Очевидно, что существительное *правда* в сочетании с худыми плечами и руками имплицитно подразумевает несчастья и неудачи героев. Подтекст *правды* раскрывается автором в 3-й строфе использованием антонима *кривда* ('неправда, несправедливость, ложь' [19, т.II, с.128]). Оба переводчика поняли и эксплицировали подтекст, подобрав самые подходящие варианты перевода, ни разу не повторившись и продемонстрировав богатство казахского языка.

Употребленная в 3-й строфе лексема *кривда* в переводе Ж. Абдрашева не используется, а С. Сеитов повторяет употребленный во 2-й строфе оборот *азасор*. Интересен перевод ответа героев — на свет божий. Ж. Абдрашев сохранил в ответе предложно-падежное сочетание *на свет - жарыгына*, но не на божий, а на *жалған* - I. 'ложный, мнимый, II. бранный мир' [11, с.287]. У С. Сеитова ближе к русскому тексту - *Мына жалпақ жаһанға* (буквально: 'на этот широкий свет/мир/Вселенную').

Лексемы 4-й строфы *миллион* и *кривда* передал в переводе только С. Сеитов (сочетание *не один миллион он передал* формой множественного числа *миллиондарды*) и вновь употребил для перевода *кривды* слово *азап* (*азабын*). Ж. Абдрашев опустил эти две лексемы, зато добавил предложение *Бас қосуға, бұзардай зор қамалды*, что переводится как 'объединиться, будто собираются разрушить мощную крепость/крепостную стену' (*зор қамалды*), а в сочетании с последующим предложением *Кім үйреткен, кім оятқан* получается *Кто научил, кто разбудил объединиться...* Перевод вопросов *Кто научил, кто разбудил?* совпадает у обоих переводчиков с той лишь разницей, что

у Ж. Абдрашева они располагаются рядом на 2-й строке, а у С. Сеитова первый вопрос на 1-й строке, а второй вопрос на 2-й. Интересно отметить, что в русском тексте вопрос *кто?* употреблен один раз, а у обоих переводчиков по два раза, что усиливает прагматику текста.

Ответ на эти вопросы *Нужда, горе* у обоих переводчиков представлены разными точными соответствиями: у Ж. Абдрашева *аштық* (голод), *азат* (1.2) лишний, незанятый; оставленный, 2. уст. раб, получивший свободу [11, с.30]), *қасірет* (большое горе, глубокая скорбь, кручина [11, с.518]), у С. Сеитова *мұқтаждық* (потребность, нужда), *қайғы* (печаль, горе, скорбь).

В 5-й строфе вопрос *чего захотелось?* в обоих переводах переведен одинаково *не керек* (Ж. Абдрашев) *керегі не* (С. Сеитов), но казахские лексемы более жесткие, требовательные (ср. керек 'нужно, необходимо, надо' [11, с.401]) по сравнению с русским глаголом (ср. захотеть - 'о возникновении, появлении желания, какой-л. потребности' [19, т.4, с.592]).

Лексемы *слепые, глухие* также переведены одинаково и точно - *соқыр, керек*.

Словосочетание *Угнетенным века* Ж. Абдрашев образно представил как *Мәңгі-бақи* ('вечно, навеки' [11, с.609]) *маңдайларын төбелеп* (буквально: 'получать удары по лбу', потому что төбелеу '1) бить, ударять (особенно по голове) [11, с.806]). С. Сеитов более сдержан *Заман езген* — эпоха/эра/времена давили/угнетали [11, с.243]).

Перевод ответа на вопрос 5-й строфы *Людьми зваться* также передает видение переводчика: Ж. Абдрашев - *Адам сынды күнелту* - поддерживать/подтверждать качество/звание человека (ср. сын II 'внешнее и внутреннее (природное) качество кого-чего-л. [11, с.750], күнелту I жить, поддерживать свое существование чем-л., за счет кого-чего-л. [11, с.440]), С. Сеитов перевел как *Адам болу санаттағы*, что можно интерпретировать следующим образом: 1) 'быть в ряду людей', потому что лексема *санат* имеет значение 'ряд' или 2) 'быть уважаемым человеком', потому что однокоренные слова выражают *санаткер* означает уважаемого, заслуженного человека и *санатты* — уважаемый [11, с.705].

Выводы

Контрастивно-семантический анализ переводов стихов с русского языка-посредника на казахский язык классиков белорусской литературы Я. Коласа и Я. Купалы показал как общее, так и специфическое в содержании оригиналов и переводов. На уровне отдельных лексем это проявляется в их различном семантическом объеме в русском и казахском языках, что отмечается и в названиях отдельных стихотворений. Сопоставление семантической адекватности текстов оригинала и перевода на уровне отдельных предложений и строф позволило установить способы и приемы, применяемые переводчиками для достижения адекватности перевода. В результате

выявления всех переводческих трансформаций (лексические, грамматические замены, перестановки, добавления, опущения и др.), стилистических приемов (инверсии, метафоризации, синонимии), примененных при переводе на казахский язык, некоторых неточностей перевода, авторы пришли к выводу, что в целом переводы на казахский язык белорусской поэзии являются точными, прагматически адекватными, вся информация, содержащаяся в русском тексте, передана полностью. При этом порой казахский текст является более динамичным, экспрессивным по сравнению с русским переводом, что во многом определяется как спецификой языковых систем двух языков, так и индивидуальностью переводчика.

Список литературы

- 1 Федоров А.В. Основы общей теории перевода: лингвистический очерк: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Высшая школа, 1968. – 396 с.
- 2 Гачечиладзе Г. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. – Москва: Сов. писатель, 1980. – 255 с.
- 3 Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. – Москва: Международные отношения, 1980. – 167 с.
- 4 Бархударов Л.С. Язык и перевод. (Вопросы общей и частной теории перевода). – Москва: Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
- 5 Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. – Москва: Изд-во МГУ, 1978. – 174 с.
- 6 Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвист. теории перевода. – Москва: Междунар. отношения, 1974. – 216 с.
- 7 Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – Москва: Международные отношения, 1980. – 343 с.
- 8 Селиверстова О.Н. Контрастивная синтаксическая семантика: (Опыт описания). – Москва: Наука, 1990. – 150 с.
- 9 Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. – Воронеж: Истоки, 2004. – 189 с.
- 10 Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. – Алматы: Дайк-Пресс, 2008. – 968 б.
- 11 Қазақша-орысша сөздік. Казахско-русский словарь. – Алматы: Дайк-Пресс, 2008. – 962 с.
- 12 Колас Я. Стихотворения и поэмы// Библиотека всемирной литературы. – Москва: Художественная литература, 1969. – С. 317-659.
- 13 Колас Я. Жер үні Голос земли. – Алматы: Жазушы, 1982. – 199 б.
- 14 Купала Я. Стихотворения и поэмы// Библиотека всемирной литературы. – Москва: Художественная литература, 1969. – С. 25-312.
- 15 Купала Я. Таңдамалы. Избранное. Стихи и поэмы. – Алматы: Жазушы, 1982. – 215 б.
- 16 Махмудов Х., Мусабаев Г. Қазақша-орысша сөздік Казахско-русский словарь. – Алматы: Өнер, 1998. – 448 с.
- 17 Орысша-қазақша сөздік. Русско-казахский словарь. В 2-х т. – Алматы, 1978.
- 18 Русско-казахский словарь. В 2-х т. – Алматы: Арыс, 2007.
- 19 Словарь русского языка. В 4-х т. – Москва: Русский язык, 1982.

20 Фразеологиялық сөздік. - Алматы: Арыс, 2007. - 800 б.

21 Фразеологический словарь русского языка. – Москва: Русский язык, 1986. - 543 с.

М.Б. Амалбекова¹, А.А. Гируцкий^{2,3}

¹Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан

²Максим Танк атындағы Беларусь мемлекеттік педагогикалық университеті, Минск, Беларусь

³Беларусь мемлекеттік университетінің А.Д. Сахаров атындағы халықаралық мемлекеттік экологиялық институты, Минск, Беларусь

**Якуб Колас және Янка Купала өлеңдерінің қазақ тіліне аудармалары:
контрастық-семантикалық аспект**

Аңдатпа. Мақалада Беларусь әдебиетінің классиктері Якуб Колас пен Янка Купаланың кейбір өлеңдерінің аудармаларына контрастық-семантикалық талдау жүргізілді. Жеке лексемалар, сөйлемдер мен шумақтар деңгейінде түпнұсқа мен оның аудармаларының мазмұнына қатысты ортақ және ерекше сипаттары айқындалды. Аудармада қолданылатын трансформациялар (лексикалық, грамматикалық алмастырулар, ауыстырулар, толықтырулар, түсіріп тастау және т.б.), стилистикалық құралдар (инверсия, метафора, синоним) анықталды. Сонымен қатар аудармадағы кейбір дәлсіздіктер көрсетілген. Жалпы, беларусь поэзиясының қазақ тіліне аудармалары дәл, прагматикалық тұрғыдан адекватты деген тұжырым жасалды. Кейде қазақ мәтіні түпнұсқамен салыстырғанда едәуір динамикалы, мәнерлі болады, бұл көбіне екі тілдің тілдік жүйелерінің ерекшеліктеріне де, аудармашы тұлғасына да байланысты екендігі көрсетілді.

Түйін сөздер: контрасты лингвистика, контрастық лексикалық семантика, контрасты жұп, поэзия аудармасы, аударма трансформациялары, семантикалық контекст, прагматикалық адекватты аударма.

M.B. Amalbekova¹, A.A. Hirutski^{2,3}

¹L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

²Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University, Minsk, Belarus

³A.D. Sakharov International State Environmental Institute of the Belarusian State University, Minsk, Belarus

**Translations of Yakub Kolas and Yanka Kupala poems into the Kazakh language:
a contrastive-semantic aspect**

Abstract. There is carried out a contrastive-semantic analysis of translations of individual poems by the classics of Belarusian literature Y. Kolas and Y. Kupala. The article reveals general and specific features in the content of originals and translations at the level of individual lexemes, sentences, and stanzas. There have been established translation transformations (lexical, grammatical substitutions, permutations, additions, omissions, etc.), stylistic expedients (inversions, metaphorizations, synonyms) used in translation. The authors have noted some translation inaccuracies.

It is concluded that, the translations of Belarusian poetry into the Kazakh language are accurate and pragmatically adequate. Sometimes the Kazakh text is more dynamic, expressive in comparison with the original. It is largely determined by both specifics of the language systems of the two languages and the personality of the translator.

Keywords: contrastive linguistics, contrastive lexical semantics, contrastive pair, translation of poetry, Belarusian poets, translation transformations, semantic context, pragmatically adequate translation.

References

1 Fedorov A.V. Osnovy obshhej teorii perevoda: lingvisticheskij ocherk [Basics of general theory of translation: linguistic sketch]. Tutorial for institutes and faculties of foreign languages. 3-rd issue., revised and supplemented (Vysshaya shkola, Moscow, 1968, 396 p.).

- 2 Gachechiladze G. Hudozhestvennyj perevod i literaturnye vzaimosvjazi [Literary translation and literary relationships] (Soviet writer, Moscow, 1980, 255 p.).
- 3 Komissarov V.N. Lingvistika perevoda [Linguistics of translations] (Mezhdunarodnyye otnosheniya, Moscow, 1980, 167 p.).
- 4 Barkhudarov L.S. Jazyk i perevod (Voprosy obshhej i chastnoj teorii perevoda [Language and translation (Issues of general and special theory of translation)] (Mezhdunarodnyye otnosheniya, Moscow, 1975, 240 p.).
- 5 Vinogradov V.S. Leksicheskie voprosy perevoda hudozhestvennoj prozy [Lexical issues of translation of fictional prose] (MSU publisher, Moscow, 1978, 174 p.).
- 6 Retsker Ya.I. Teoriya perevoda i perevodcheskaja praktika: ocherki lingvist. teorii perevoda [Theory of translation and translation practice: sketches of linguistic theory of translation] (Mezhdunarodnyye otnosheniya, Moscow, 1974, 216 p.).
- 7 Vlahov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode [Untranslatable in translation] (International relationships, Moscow, 1980, 343 p.).
- 8 Seliverstova O.N. Kontrastivnaja sintaksicheskaja semantika: opyt opisaniya [Contrastive syntactic semantics: description experience] (Nauka, Moscow, 1990, 150 p.).
- 9 Sternin I.A. Kontrastivnaja lingvistika [Contrastive linguistics] (Istoki, Voronezh, 2004, 189 p.).
- 10 Kazak tilinin tusindirme sozdigi [Dictionary of Kazakh language] (Dayk-Press, Almaty, 2008, 968 p.).
- 11 Kazaksha-oryssha sozdik. Kazahsko-russkij slovar' [Kazakh-Russian dictionary] (Dayk-Press, Almaty, 2008, 962 p.).
- 12 Kolas Y. Poems and poems [Library of World Literature], Stihotvorenija i pojemy [Biblioteka vseмирnoj literatury] (Fiction, Moscow, 1969, p. 317-659).
- 13 Kolas Y. Zher yni. Golos zemli [Voice of the earth] (Zhazushy, Almaty, 1982, 199 p.).
- 14 Kupala J. Stihotvorenija i pojemy [Poems and poems], Library of world literature [Biblioteka vseмирnoj literatury] (Fiction, Moscow, 1969).
- 15 Kupala Ya. Tandamaly. Izbrannoe. Stihi i pojemy [Selected. Poems and poems] (Zhazushy, Almaty, 1982, 215 p.).
- 16 Makhmudov H., Musabaev G. Kazaksha-oryssha sozdik. Kazahsko-russkij slovar' [Kazakh-Russian dictionary] (Oner, Almaty, 1998, 448 p.).
- 17 Oryssha-kazaksha sozdik. Russko-kazahskij slovar' [Russian-Kazakh dictionary]. In 2 vols. (Almaty, 1978).
- 18 Russko-kazahskij slovar' [Russian-Kazakh dictionary]. In 2 vols. (Arys, Almaty, 2007).
- 19 Slovar' russkogo jazyka [Dictionary of the Russian language]. In 4 vols. – (Russian language, Moscow, 1982).
- 20 Frazеologijalyk sozdik [Phraseology dictionary] (Arys, Almaty, 2007, 800 p.).
- 21 Frazеologicheskij slovar' russkogo jazyka [Phraseology dictionary of Russian] (Russian language, Moscow, 1986, 543 p.).

Сведения об авторах:

Амалбекова Марал Бимендиновна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан.

Гируцкий Анатолий Антонович – 1. доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и лингводидактики, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь. 2. профессор кафедры лингвистических дисциплин и межкультурных коммуникаций, Международный государственный экологический институт им. А. Д. Сахарова Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.

Amalbekova Maral Bimendinovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory and Practice of Translation at L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan.

Girutsky Anatoly Antonovich – 1. Doctor of Philology, Professor at Maksim Tank Belarusian State Pedagogical University, Professor of the Department of Linguistics and Linguodidactics, Professor of the Department of Linguistic Disciplines and Intercultural Communications at A.D.Sakharov International State Ecological Institute of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.